

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования

«Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Кафедра уголовного процесса

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

на тему «ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО
(ОБВИНЯЕМОГО), ЗАКЛЮЧИВШЕГО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ
О СОТРУДНИЧЕСТВЕ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И
ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОРГАНА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ)»

Выполнил

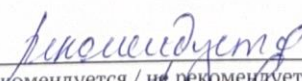
Ганиев Равиль Ильдарович,
обучающийся по специальности
40.05.02 Правоохранительная
деятельность

2021 года набора, 121 учебного взвода

Руководитель

заместитель начальника кафедры,
кандидат юридических наук
Афанасьева Анна Александровна

К защите _____

рекомендуется / не рекомендуется

Начальник кафедры _____

В.С. Латыпов

подпись

Дата защиты « ____ » _____

2026 г. Оценка _____

ПЛАН

Введение.....	3
Глава 1. Теоретические и правовые основы обеспечения безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве.....	7
§ 1. Угроза безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве; дифференциация угроз.....	7
§ 2. Правовые основы обеспечения безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве...	17
Глава 2. Тактические особенности обеспечения безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, при расследовании дел с его участием.....	22
§ 1. Понятие и содержание тактической операции «обеспечение безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве».....	22
§ 2. Тактика производства отдельных следственных действий по уголовным делам с участием подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве.....	38
§ 3. Тактические особенности производства иных процессуальных действий по уголовным делам с участием подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве.....	45
Заключение.....	55
Список использованной литературы.....	57
Приложение.....	65

ВВЕДЕНИЕ

Проблема обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства приобрела особую остроту для мирового сообщества в конце XX – начале XXI века. Данная тенденция обусловлена глобальным усилением организованной и транснациональной преступности, которая активно противодействует правосудию, оказывая давление на лиц, содействующих расследованию: свидетелей, потерпевших, а также подозреваемых (обвиняемых), вставших на путь сотрудничества с правоохранительными органами. Россия, будучи частью мирового сообщества, в полной мере сталкивается с этими вызовами, что подтверждается статистическими данными, приведенными ГИАЦ МВД России: так, организованными группами или преступными сообществами совершено 45,9 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+33,8%), причем их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий возрос с 14,1% в январе – ноябре 2024 г. до 17,9%¹.

Осознание необходимости противодействия этим угрозам и стимулирования сотрудничества лиц, причастных к преступной деятельности, привело к формированию в Российской Федерации специального правового института. Его краеугольными камнями стали Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»² и нормы о досудебном соглашении о сотрудничестве, введенные Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ³. Эти акты создали правовую основу для обеспечения безопасности лиц,

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации. Краткая характеристика состояния преступности за январь-ноябрь 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/75687768/> (дата обращения: 25.12.2025).

² О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон Рос. Федерации от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 31 июля 2004 г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 8 авг. 2004 г. // Рос. газ. – 2004. – 25 авг.

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 2009 г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 17 июня 2009 г. // Рос. газ. – 2009. – 3 июля.

заклучивших такое соглашение, и возложили соответствующие обязанности на правоохранительные органы.

Однако, как показывает анализ следственно-судебной практики, действующий механизм не в полной мере обеспечивает достижение поставленных целей. Значительная часть подозреваемых (обвиняемых) отказывается от сотрудничества именно из-за страха мести соучастников и недоверия к способности государства гарантировать их безопасность. Этот факт свидетельствует о наличии системных проблем, связанных с возможной недостаточностью мер безопасности, несовершенством законодательного регулирования, а также отсутствием детально разработанных тактико-криминалистических средств и методик обеспечения защиты на стадии предварительного расследования.

Таким образом, возникает противоречие между объективной потребностью в эффективном обеспечении безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, и недостаточной теоретической проработкой, а также правовой и тактической обеспеченностью этой деятельности. Комплексный характер проблемы, лежащей на стыке уголовного процесса и криминалистики, обуславливает необходимость ее междисциплинарного исследования.

Вопросы защиты прав и безопасности личности в уголовном судопроизводстве всегда находились в поле зрения ученых. Существенный вклад в разработку общетеоретических и правовых основ государственной защиты участников процесса внесли О.А. Зайцев, Л.В. Брусницын, А.Ю. Епихин и др.

Несмотря на значительный объем накопленных знаний, в научной литературе остается недостаточно изученной специфика обеспечения безопасности непосредственно подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, на стадии предварительного расследования. Малоисследованными являются тактические аспекты проведения следственных действий с участием такого лица в условиях

противодействия, классификация угроз его безопасности и разработка ситуационных криминалистических рекомендаций. Указанные пробелы, а также динамичное развитие законодательства в данной сфере определяют научную новизну и актуальность настоящего исследования.

Объект исследования – общественные отношения, складывающиеся в сфере обеспечения безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, в ходе предварительного расследования.

Предметом исследования признаются нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие механизм обеспечения такой безопасности, а также теоретические разработки и практические средства криминалистической тактики, применимые в этой деятельности.

Цель исследования – это на основе комплексного анализа теоретических, правовых и практических проблем разработать предложения по совершенствованию законодательства и сформулировать тактико-криминалистические рекомендации, направленные на повышение эффективности обеспечения безопасности подозреваемого (обвиняемого), сотрудничающего со следствием на основе досудебного соглашения.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: раскрыть содержание понятия «безопасность подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве» в контексте уголовного судопроизводства;

исследовать систему и содержание норм российского и международного права, составляющих правовую основу обеспечения безопасности «сотрудничающих» лиц;

разработать и охарактеризовать понятие, цели, этапы и структуру тактической операции «обеспечение безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве»;

проанализировать тактические особенности производства следственных действий

по уголовным делам с участием подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве;

исследовать тактические аспекты производства иных процессуальных действий.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, системно-структурный подход, сравнение), а также частно-научные методы: формально-логический, сравнительно-правовой, историко-юридический и метод моделирования.

Теоретическая и практическая значимость работы. Проведенное исследование позволит углубить теоретические представления о комплексном подходе к обеспечению безопасности в уголовном процессе. Сформулированные в работе выводы и предложения могут быть использованы в законотворческой деятельности для совершенствования норм УПК РФ, в практической работе следователей, дознавателей и судей, а также в учебном процессе при преподавании дисциплин «Уголовный процесс» и «Криминалистика».

Структура работы обусловлена целью, задачами и логикой исследования и включает в себя введение, две главы, включающие в себя пять параграфов, заключение, список использованной литературы и приложение.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО), ЗАКЛЮЧИВШЕГО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

§ 1. Угроза безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, как вид противодействия расследованию, дифференциация угроз

Становление криминалистической теории противодействия расследованию в отечественной науке относится к 70-м г. XX в. и было обусловлено потребностями следственной практики в осмыслении и преодолении активных действий, препятствующих раскрытию преступлений. На этом начальном этапе доминировал узкий подход, отождествлявший противодействие с целенаправленной деятельностью по сокрытию следов преступления и инсценировкам¹.

Следующий, теоретико-системный этап развития теории пришелся на 90-е г. и характеризовался научной дискуссией о содержании понятия. Сформировались две основные научные школы. Первая сохраняла традиционный взгляд, фокусируясь на сокрытии как ключевой форме противодействия². Вторая школа аргументировала необходимость расширения понятийных границ³. Они доказывали, что противодействие представляет собой сложную, многоаспектную деятельность, включающую не только сокрытие, но и иные способы воспрепятствования установлению истины. Знаковым стало исследование В.Н. Карагодина, который дал комплексное определение, выделив

¹ Белкин Р.С. Сокрытие как форма противодействия // Курс криминалистики. М., 1979. Т. 3. С. 227 и др.

² Журавлев С.Ю. Противодействие деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и тактика его преодоления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1992. С. 10 и др.

³ Петрова А.Н. Противодействие расследованию, криминалистические и иные меры его преодоления : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000 и др.

системообразующие признаки противодействия: умышленный характер, целенаправленность на воспрепятствование установлению объективной истины и достижению целей предварительного расследования¹.

Современный, специализированный и прикладной этап (2000-е – по настоящее время) характеризуется углублением теории и ее адаптацией к новым криминальным реалиям. Развитие проявляется в двух основных направлениях. Первое – отраслевая детализация, то есть разработка тактики преодоления противодействия при расследовании конкретных категорий преступлений: экономических, компьютерных, совершаемых организованными группами и т.д. Второе направление – изучение специфических форм и объектов воздействия.

Эмпирические данные, полученные в ходе исследования (анализ уголовных дел, анкетирование 26 следователей и оперуполномоченных), свидетельствуют о высокой распространенности такого воздействия. Его основными способами, согласно оценкам практиков, являются: угрозы убийством или применения физического насилия (по данным 84,6% опрошенных), шантаж и психологическое давление (73,1%), угрозы уничтожения имущества или причинения вреда близким (61,5%). При этом более половины респондентов (57,7%) указали, что в большинстве случаев подобные угрозы носят реальный и подтверждаемый характер².

Целями выступают принуждение к отказу от сотрудничества со следствием, даче ложных показаний в интересах других обвиняемых или мести. Конечная стратегическая цель – воспрепятствование осуществлению правосудия, уход от уголовной ответственности или ее смягчение, что полностью соответствует целеполаганию противодействия расследованию, сформулированному В.Н. Карагодиным. Таким образом, воздействие на «сотрудничающего» обвиняемого, реализуемое через систему угроз его безопасности, обладающее признаками умышленности, целенаправленности и

¹ Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию : дис. ... д-ра юрид наук. Н. Новгород. 1992. С. 35.

² См.: приложение 1.

противодействующей сущности, правомерно рассматривать как современную, высокоопасную форму криминального противодействия. Его специфика заключается в объекте воздействия (лицо, формально перешедшее на сторону обвинения) и в особой тактике, нацеленной на нейтрализацию эффективного института досудебного сотрудничества.

На основе проведенного анализа и представленных эмпирических данных, можно заключить, что воздействие на подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, реализуется преимущественно через угрозы его безопасности. Это обуславливает необходимость теоретического осмысления и легального определения данного понятия.

Угроза безопасности представляет собой синтетическую категорию, интегрирующую понятия «угроза», «безопасность», «досудебное соглашение о сотрудничестве», а также смежные с ними правовые конструкции. Согласно позиции С.И. Ожегова, угроза понимается как «запугивание, обещание причинить кому-нибудь зло, возможная опасность»¹. Данное толкование позволяет выделить две взаимосвязанные составляющие:

активная составляющая: запугивание, то есть целенаправленные действия субъекта, имеющие целью сформировать у лица устойчивое чувство страха; пассивная составляющая: возможная опасность как ситуация высокой степени вероятности причинения вреда, которая может существовать и вне явного вербального или демонстративного запугивания.

В уголовно-процессуальной доктрине понятие угрозы также получило развитие. Ряд авторов, как, например, В. Саморока и М. Бекетов, акцентируют психологический аспект, определяя угрозу как «способ психического воздействия, направленного на запугивание участника уголовного

¹ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. С. 1212.

судопроизводства»¹. Однако это определение ограничивается первой, активной составляющей. Более комплексный подход предлагает В.В. Войников, рассматривающий угрозу безопасности в уголовном процессе как «наиболее конкретную и непосредственную форму опасности, а также совокупность условий и факторов, создающих состояние незащищенности охраняемых объектов безопасности»².

В целом, угрозу можно определить как непосредственную форму опасности либо совокупность реально существующих условий и факторов, создающих состояние возможной опасности, направленную на принуждение к отказу от сотрудничества, даче ложных показаний или иному воспрепятствованию установлению истины по уголовному делу.

Формирование исследуемого понятия требует предварительного анализа базовой категории «безопасность». В общеупотребительном значении безопасность понимается как положение, при котором кому-либо или чему-либо не угрожает опасность³. В правовом поле данное понятие получило легальное закрепление в утратившем силу Законе РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 г., который определял безопасность как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз⁴. Но данный нормативно-правовой акт утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», в котором исследуемое понятие не нашло отражения⁵.

Вместе с этим в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2 июня 2021 г. № 400 определяется понятие национальной

¹ Саморока В., Бекетов М. Принятие следователем решения о применении мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2011. № 1. С. 72–77.

² Войников В.В. Тактика обеспечения безопасности в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2002. С. 22.

³ Ожегов С.И. Указ. соч. С. 349.

⁴ О безопасности: закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 // Рос. газ. – 1992. – 6 мая.

⁵ О безопасности: федер. закон Рос. Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 7 дек. 2010 г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 15 дек. 2010 г. // Рос. газ. – 2010. – 29 дек.

безопасности, под которой понимается состояние защищенности, позволяющее обеспечить конституционные права, свободы, суверенитет и устойчивое развитие страны. Однако в научной доктрине распространена критика использования конструкции «состояние защищенности» как чрезмерно узкой, не отражающей активные функции безопасности по предупреждению, ослаблению и устранению угроз¹.

Развивая эту критику, ряд исследователей предлагают рассматривать безопасность как комплексное явление, сочетающее в себе не только результат (состояние отсутствия опасности), но и деятельность по его достижению. Так, В. Серебрянников включает в определение деятельность по выявлению, предупреждению и отражению угроз, а А.Ю. Епихин рассматривает безопасность как синтез результата и действий, а также как комплекс условий, обеспечивающих защищенность объекта от угрозы нападения или противоправного воздействия². На основе проведенного анализа можно выделить две ключевые составляющие безопасности: 1) это состояние объекта, при котором отсутствуют опасности и угрозы, достигаемое как пассивно, так и посредством предупредительных и охранных мер; 2) данное состояние создает необходимое условие для реализации жизненно важных интересов, обеспечивающих существование и развитие объекта. При этом безопасность является целью, а защита и охрана – средствами её достижения, входящими в объём понятия безопасности.

В контексте уголовного судопроизводства проблема безопасности личности обостряется в силу конфликтного характера процесса, порождающего противодействие, в том числе в форме насильственных посягательств. В научной литературе представлены различные подходы к определению безопасности в данной сфере. Одни авторы акцентируют безопасность уголовно-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс]. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=222953> (дата обращения: 27.11.2025).

² Епихин А.Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. СПб., 2004. С. 53.

процессуальной деятельности и самой процедуры, однако доминирующей является позиция, ориентированная на безопасность личности участников процесса. Большинство предлагаемых дефиниций, к сожалению, наследуют указанные выше недостатки, описывая безопасность как «состояние защищенности» и излишне детализируя перечень охраняемых интересов. Более точным представляется подход Е.В. Жарикова, определяющего безопасность лиц, содействующих правосудию, как состояние отсутствия опасностей и угроз их жизненно важным интересам, позволяющее беспрепятственно осуществлять такое содействие¹.

Синтезируя теоретические положения и учитывая специфику уголовного процесса, безопасность в уголовном судопроизводстве можно определить как состояние лица, вовлеченного в уголовный процесс, характеризующееся отсутствием опасностей и угроз, которое обеспечивает данному лицу возможность реализации своих прав и исполнения обязанностей как участника судопроизводства.

В уголовно-процессуальной сфере необходимо отличать понятия «безопасность» и «обеспечение безопасности».

В научной доктрине обеспечение безопасности в уголовном судопроизводстве интерпретируется неоднозначно. Ряд авторов определяет как проведение комплекса необходимых мероприятий, направленных на создание и поддержание достаточного уровня защищенности охраняемых объектов. Более широкий подход предлагается в работах, где эта деятельность раскрывается через её функциональное назначение – выявление, предупреждение и пресечение реальных и возможных угроз, а также разработку и реализацию адекватного комплекса мер безопасности.

Несмотря на дискуссионность терминологии, представляется возможным синтезировать ключевые признаки. Учитывая, что субъектом данной

¹ Жариков Е.В. Дифференциация уголовного процесса, как средство обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2004. С. 22.

деятельности по определению выступают уполномоченные государственные органы и должностные лица, а её сущность заключается в активных действиях, логично дать следующее определение. Обеспечение безопасности в уголовном судопроизводстве – это системная, целенаправленная деятельность уполномоченных субъектов, заключающаяся в прогнозировании, выявлении, нейтрализации и устранении угроз, а также в создании и поддержании посредством комплекса правовых, организационных, процессуальных и иных мер такого состояния защищенности участника процесса, которое позволяет ему беспрепятственно реализовывать свои права и исполнять обязанности.

Центральным элементом в системе «угроза – безопасность – обеспечение безопасности» выступает категория «опасность». В общелингвистическом смысле опасность (опасный) трактуется как нечто способное причинить вред или несчастье¹. В социально-правовом контексте ученые определяют опасность как объективно существующую возможность негативного воздействия на социальную систему или индивида, результатом которого может стать причинение того или иного вида ущерба, ухудшающего их состояние и препятствующего нормальному функционированию.

Применительно к специфической ситуации подозреваемого или обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, в науке сложились две основные позиции относительно источника опасности. Сторонники деятельностного (процедурного) подхода полагают, что источником угрозы может выступать сама процедура уголовного судопроизводства. Однако основная и наиболее серьезная опасность исходит не от процедуры как таковой, а от конкретных субъектов – других участников преступной деятельности и их окружения, объективно заинтересованных в воспрепятствовании правосудию. Их противодействие может принимать различные формы: от психологического давления и угроз до реальных посягательств на жизнь, здоровье, свободу или имущество сотрудничающего лица с целью заставить его отказаться от данных показаний, изменить их или вообще прекратить взаимодействие со следствием.

¹ Ожегов С.И. Указ. соч. С. 681.

Итак, опасность для подозреваемого (обвиняемого), сотрудничающего с правоохранительными органами, можно определить как объективно существующую и субъективно реализуемую вероятность причинения существенного вреда его охраняемым законом интересам (жизни, здоровью, свободе, имуществу, репутации), исходящую от лиц, противодействующих уголовному преследованию, и направленную на срыв или дискредитацию его сотрудничества со следствием и судом.

Вычленение понятия угрозы безопасности является логическим продолжением анализа категории «опасность». Если опасность представляет собой общую возможность причинения вреда, то угроза выступает её конкретизированной, непосредственной и актуализированной формой. Содержанием опасности выступают определенные условия, при которых причинение вреда становится вероятным. Следовательно, опасность можно рассматривать как потенциал, а угрозу – как его реализацию или высокую степень вероятности реализации в конкретных обстоятельствах.

Применительно к подозреваемому (обвиняемому), заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве, сущность такого соглашения порождает специфический характер угроз. Досудебное соглашение о сотрудничестве – это соглашение между стороной обвинения и защитой, в котором сотрудничающее лицо принимает на себя конкретные, активные обязательства по содействию следствию. К ним относятся помощь в раскрытии преступления, изобличении соучастников, розыске имущества, участии в следственных и оперативно-розыскных мероприятиях. В обмен на выполнение этих обязательств законодательство предусматривает существенные процессуальные льготы: назначение более мягкого наказания, условное осуждение или даже освобождение от отбывания наказания (ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ).

Исходя из этого, угрозу безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, можно определить как непосредственную и конкретизированную форму опасности, выражающуюся в

совокупности условий, факторов или прямых действий, которые создают реальную вероятность причинения вреда его жизни, здоровью, свободе, имуществу или иным жизненно важным интересам, а также формируют обстановку, препятствующую добросовестному выполнению им обязательств по сотрудничеству со следствием и реализацию связанных с этим процессуальных прав.

В юридической литературе сформировался комплексный подход к анализу способов посткриминального противодействия расследованию, направленных на участников уголовного процесса. Существующие классификации можно условно разделить на две основные группы:

способы психологического воздействия;

способы физического (силового) воздействия.

Однако данная систематизация представляется недостаточно детализированной, поскольку объединяет в одну группу качественно разнородные методы, например, подкуп и угрозы.

Более точной и отвечающей требованиям практики является трехчленная классификация, выделяющая (1) физические, (2) психологические и (3) материальные способы воздействия. Критерием здесь выступает объект посягательства: физическая неприкосновенность личности, её психическая сфера или имущественные интересы (включая источники дохода). Данный подход позволяет более точно оценивать характер опасности и избирать адекватные меры защиты. Особый интерес в рамках психологического воздействия представляет его внутренняя градация. Так, Е.И. Замылин обоснованно подразделяет его на ненасильственное (уговоры, просьбы, убеждение) и насильственное (шантаж, провокации, угрозы причинением вреда)¹.

Центральным элементом системы противодействия, требующим отдельной классификации, выступает угроза как наиболее распространённый

¹ Замылин Е.И. Правовые и криминалистические проблемы обеспечения безопасности лиц, содействующих раскрытию и расследованию преступлений. М., 2010. С. 35.

инструмент давления. Значительный вклад в её понимание внесла М.В. Новикова, предложившая классифицировать угрозы по виду, характеру и форме выражения¹. Она выделила реальные (существующие объективно) и мнимые (существующие лишь в воображении) угрозы, а реальные, в свою очередь, разделила на активные, пассивные, неопределённые, спонтанные и предполагаемые. Однако в данной системе, на наш взгляд, присутствует терминологическая неточность. Понятие «реальная угроза» чрезмерно широко и не отражает ключевой признак – способ её доведения до сведения потерпевшего. Более корректным представляется выделение трёх самостоятельных видов угроз: высказанные (сообщенные) – умышленно доведённые до сведения участника процесса любым способом (устно, письменно, жестами и т.д.), что соответствует активным, пассивным и спонтанным угрозам; предполагаемые – не выраженные прямо, но объективно вытекающие из совокупности установленных по делу обстоятельств (например, факта сотрудничества с правоохранительными органами); мнимые – ложные, не имеющие объективных оснований, порождённые субъективными страхами или дезинформацией.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что понятие «угроза безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве» является комплексной, синтезированной правовой категорией, закономерно сформировавшейся в рамках эволюции криминалистической теории противодействия расследованию.

Таким образом, угроза безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, – это непосредственная форма опасности, выражающаяся в высказанных или предполагаемых действиях (условиях), которые создают реальную вероятность причинения вреда его жизни, здоровью, свободе, имуществу или иным жизненно

¹ Новикова М.В. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства как гарантия осуществления правосудия в современных условиях: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 149-151.

важным интересам, а также формируют обстановку, препятствующую добросовестному выполнению обязательств по сотрудничеству со следствием.

§ 2. Правовые основы обеспечения безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве

Современная глобальная криминальная среда демонстрирует качественную трансформацию, характеризующуюся усилением организованности, интернационализацией и высокой степенью агрессии в отношении системы правосудия. В этих условиях классическая уголовно-правовая модель сдерживания, основанная преимущественно на устрашающем потенциале наказания, зачастую оказывается недостаточной для предотвращения актов давления, угроз и физического насилия в отношении участников уголовного процесса, способных дать изобличающие показания. Данный феномен обусловил признание на международном и национальном уровнях необходимости создания специализированных систем защиты, что трансформировалось в одну из ключевых функций современного правового государства, направленную на гарантирование как публичных интересов в отправлении правосудия, так и фундаментальных прав личности. Как верно отмечает А.Ю. Епихин, обеспечение безопасности участников судопроизводства является не факультативной, а императивной обязанностью государства, проистекающей из его социального предназначения¹.

В Российской Федерации формирование подобного правового института находится в динамичной, но все еще начальной стадии. Отечественная модель обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству, прошла значительный путь, начиная с фрагментарных упоминаний. Одновременно с этим нарабатывается значительный, хотя и не систематизированный, практический опыт применения защитных мер в отношении традиционных участников – потерпевших и свидетелей. Однако

¹ Епихин А.Ю. Указ. соч. С. 18.

усложнение криминальных практик, особенно в сфере экономической и организованной преступности, выдвинуло на первый план новую, исключительно уязвимую категорию – подозреваемых и обвиняемых, заключающих досудебные соглашения о сотрудничестве. Их безопасность становится критическим условием как для самого факта сотрудничества, так и для получения значимой, достоверной информации, способной привести к раскрытию преступного сообщества. При этом практика выявила существенный пробел: успешная реализация существующих правовых норм наталкивается не только на их внутренние противоречия и несовершенство, но и на острый дефицит методического обеспечения. Знания лишь буквы закона зачастую недостаточно для организации многоплановой, долгосрочной и скрытной системы защиты, требующей межведомственной координации, тактического планирования и криминалистического сопровождения.

Прежде чем приступить к анализу национального законодательства, целесообразно рассмотреть нормативные акты, принятые на международном уровне.

На глобальном уровне разработку рекомендательных стандартов осуществляют структуры ООН: Экономический и Социальный Совет, Генеральная Ассамблея, Конгрессы ООН по предупреждению преступности. Принятые в рамках ООН документы, такие как Миланский план действий (1985)¹, Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений (1985)², Венская (2000)³ и Салвадорская (2011)⁴ декларации, формируют

¹ Миланский план действий (принят и одобрен резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 40/32 от 29.11.1985 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901809390> (дата обращения: 27.11.2025).

² Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 40/34 от 29.11.1985 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=195#BgXR99VUPzc7LxQH4> (дата обращения: 27.11.2025).

³ Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века (одобрена Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 55/59 от 04.12.2000 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-CONF.187-4-REV.3> (дата обращения: 27.11.2025).

⁴ Салвадорская декларация о комплексных стратегиях для ответа на глобальные вызовы: системы предупреждения преступности и уголовного правосудия и их развитие в

международно-правовой контекст, ориентирующий государства на защиту лиц, содействующих правосудию. В них содержится рекомендация разрабатывать меры, поощряющие членов преступных организаций к сотрудничеству и даче показаний, защищая их от запугивания и мести. Поскольку, как справедливо отмечает О.А. Зайцев, любой участник процесса, подвергшийся противоправному воздействию, становится жертвой, эти рекомендации в полной мере распространяются и на сотрудничающих с правосудием подозреваемых и обвиняемых¹.

Особое значение для процессуальных гарантий имеют документы, регламентирующие деятельность международных судов. Римский статут Международного уголовного суда (1998)² и соответствующие Правила процедуры и доказывания в Международном уголовном суде³ закрепляют принцип минимизации неудобств для жертв и свидетелей и обеспечивают их защиту до, во время и после процесса. Конкретные меры, предусмотренные Правилами, включают: изъятие идентифицирующих данных из открытых протоколов, запрет на раскрытие информации третьим сторонам, использование технических средств (искажение голоса и изображения, видеоконференцсвязь) и псевдонимов. Хотя эти нормы напрямую не регулируют национальные процедуры, они представляют собой ценный арсенал тактических приемов, применимых для обеспечения безопасности «сотрудничающего» обвиняемого на стадии предварительного расследования.

Историко-правовой анализ отечественного законодательства позволяет проследить эволюцию подходов к обеспечению безопасности участников

изменяющемся мире (одобрена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № A/RES/65/230 18 от 01.04.2011 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <http://daccess-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/526/36/PDF/N1052636.pdf?OpenElement> (дата обращения: 27.11.2025).

¹ Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. М., 2001. С. 103.

² Римский статут Международного уголовного суда от 17.07.1998 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901750575> (дата обращения: 27.11.2025).

³ Правила процедуры и доказывания в Международном уголовном суде [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/rules/icc_rules.pdf (дата обращения: 27.11.2025).

уголовного судопроизводства, в том числе подозреваемых и обвиняемых, выделив пять качественно различных этапов. На первом этапе, охватывающем дореволюционный и советский периоды вплоть до 1977 г., личность в её правовом измерении не рассматривалась государством как самостоятельная ценность. Права и свободы человека носили подчинённый, декларативный характер и не были обеспечены реальными гарантиями.

Второй этап (1977-1990 гг.) стал переломным с точки зрения конституционно-правовой доктрины. Принятие Конституции СССР 1977 г.¹ и Конституции РСФСР 1978 г.² закрепило на высшем уровне признание прав, свобод, чести и достоинства человека высшей ценностью общества и государства. Это теоретическое положение получило развитие в отраслевом законодательстве: в круг задач уголовного судопроизводства была включена охрана прав и законных интересов граждан. Важным символическим шагом стала и провозглашённая в Декларации о государственном суверенитете РСФСР (1990 г.) приверженность общепризнанным международным принципам в области прав человека³. Однако на практике этот период остался этапом деклараций.

Третий, переходный этап (1990-2004 гг.), совпавший с кардинальными социально-политическими преобразованиями, характеризуется началом формирования специальной нормативной базы безопасности. Отправной точкой послужил Закон СССР от 12 июня 1990 г., внесший первые изменения в уголовно-процессуальные основы⁴. В последующем были приняты

¹ Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10. 1977) [Электронный ресурс]. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/> (дата обращения: 29.11.2025).

² Конституции (Основного Закона) Российской Федерации – России (принята ВС РСФСР 12.04.1978 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/183126/> (дата обращения: 29.11.2025).

³ Декларации СНД РСФСР «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» № 22-1 от 12.06.1990 [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102629766> (дата обращения: 29.11.2025).

⁴ О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: закон СССР от 12.06.1990 № 1556-1 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1990. – 27 июня.

фундаментальные акты, заложившие отдельные элементы системы: Федеральные законы «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (1995 г.)¹ и «Об оперативно-розыскной деятельности» (1995 г.)², Уголовно-исполнительный кодекс РФ (1997 г.)³. Несмотря на свою значимость, эти правовые источники имели ряд системных недостатков. Во-первых, закреплённые в них меры безопасности носили преимущественно декларативный характер и не содержали детально регламентированного, работоспособного процессуального механизма их применения в отношении, например, подозреваемых. Во-вторых, их действие зачастую ограничивалось лишь стадией судебного разбирательства, оставляя без защиты участников на стадии предварительного расследования. В-третьих, они не распространялись на подозреваемых и обвиняемых, не содержащихся под стражей, создавая правовой вакуум вокруг данной категории лиц. Принятие УПК РФ 2001 г., при всём его новаторском значении, не решило указанных проблем комплексно. Для стадии предварительного расследования в отношении подозреваемых и обвиняемых была предусмотрена лишь одна узкоспециальная мера – проведение опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего (ч. 8 ст. 193 УПК РФ), что было явно недостаточно для противодействия реальным угрозам.

Четвертый этап (2004-2009 гг.) был посвящен созданию организационно-правового механизма реализации Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ. В этот период принят комплекс подзаконных нормативных актов, детализировавших процедуры применения мер безопасности. Были утверждены:

¹ О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федер. закон Рос. Федерации от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 июня 1995 г. // Рос. газ. – 1995. – 20 июля.

² Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон Рос. Федерации от 12 авг. 1995 г. № 114-ФЗ (ред. от 01.04.2025): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июля 2013 г. // Рос. газ. – 1995. – 18 авг.

³ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 23.07.2025): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 18 дек. 1996 г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 25 дек. 1996 г. // Рос. газ. – 1996. – 16 янв.

Государственная программа обеспечения безопасности участников судопроизводства на 2006-2008 гг., Правила применения отдельных мер безопасности, Правила защиты сведений о защищаемых лицах, а также ведомственные административные регламенты МВД и ФСБ. Важным организационным шагом стало создание в системе МВД России на базе подразделений по борьбе с организованной преступностью специализированных структур, ответственных за обеспечение безопасности защищаемых лиц, что было закреплено Указом Президента РФ от 6 сентября 2008 г. № 1316¹. Однако, несмотря на развитие институциональной базы, принципиальный пробел в процессуальном законодательстве сохранялся: для рядового подозреваемого или обвиняемого, не заключившего специального соглашения, набор доступных мер безопасности на стадии предварительного расследования по-прежнему оставался крайне ограниченным, сводясь, по сути, к специальным условиям опознания.

Качественно новый, пятый этап реформирования (с 2009 г.) связан с внедрением в отечественное правосудие элементов сделки с правосудием и стимулирования сотрудничества со следствием. Ключевым нормативным актом, знаменующим этот поворот, стал Федеральный закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ, внесший изменения в УК и УПК РФ. Законодатель впервые ввел институт досудебного соглашения о сотрудничестве, определив его понятие, порядок заключения и судебного рассмотрения. Наиболее значимым для темы безопасности стало прямое распространение всех процессуальных мер безопасности, предусмотренных законодательством, на подозреваемого (обвиняемого), заключившего такое соглашение. Это создало для данной категории лиц принципиально иной правовой режим. В частности, в УПК РФ были закреплены специальные меры, применимые на стадии расследования (п. 4

¹ О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 6 сент. 2008 г. № 1316 // Собрание законодательства РФ. – 2008. – 10 сент.

ч. 1 ст. 154 УПК РФ, ч. 9 ст. 166 УПК РФ, ч. 8 ст. 193 УПК РФ, ч. 3 ст. 317.4 УПК РФ).

В связи с изменениями, внесенными в УПК РФ Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, обращает на себя внимание мера безопасности, предусмотренная ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ¹. В соответствии с указанной статьей на стадии возбуждения уголовного дела для обеспечения безопасности участников досудебного производства возможно не приведение данных о личности в порядке, установленном ч. 9 ст. 166 УПК РФ, в том числе при приеме сообщения о преступлении. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ существенно расширил перечень преступлений, по которым возможно заключение досудебного соглашения, включив в него ряд особо тяжких составов (ст. 205 УК РФ, ч. 2 ст. 205.4 УК РФ) и др.².

Законодатель продолжил совершенствовать инструментарий для защиты участников процесса в суде. Так, в УПК была введена норма, прямо предусматривающая возможность проведения судебного разбирательства в закрытом судебном заседании, если этого требуют интересы обеспечения безопасности участников процесса, их близких родственников или близких лиц (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ). Дальнейшим шагом стало закрепление права суда при рассмотрении дел о тяжких и особо тяжких преступлениях по ходатайству стороны принимать решение об участии подсудимого, содержащегося под стражей, в заседании с использованием систем видеоконференц-связи (ВКС) (изменения, внесенные Федеральным законом от 29.12.2022 № 610-ФЗ)³.

¹ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 18 февр. 2013 г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 20 февр. 2013 г. // Рос. газ. – 2013. – 6 марта.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федер. закон Рос. Федерации от 6 июня 2016 г. № 375-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 июня 2016 г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 29 июня 2013 г. // Рос. газ. – 2016. – 7 июля.

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29 дек. 2022 г. № 610-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр.

Развитие системы обеспечения безопасности носило не только нормативный, но и планово-управленческий характер, что подтверждается принятием ряда последовательных государственных программ. После первоначальной Программы на 2006-2008 гг. были утверждены и реализованы Программы на 2009-2013¹, 2014-2018² и 2019-2023³ годы, а в 2023 году – на 2024-2028 годы⁴. Эти документы закрепляли комплексный подход, включающий организационные, технические, финансовые и кадровые мероприятия.

Таким образом, формирование в России института защиты подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, стало ответом на вызовы организованной преступности и международные стандарты. Несмотря на значительный прогресс в законодательстве, от деклараций до создания специализированных мер безопасности, система сталкивается с проблемами внутренних противоречий, недостатка методик и необходимости адаптации к новым угрозам. Её дальнейшее развитие требует системной интеграции международного опыта и совершенствования практических механизмов реализации.

Рос. Федерации 20 дек. 2022 г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 23 дек. 2022 г. // Рос. газ. – 2023. – 1 янв.

¹ Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009 - 2013 годы»: постановление Правительства РФ от 2 октября 2009 г. № 792 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407553224/> (дата обращения: 29.11.2025).

² Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014 - 2018 годы»: постановление Правительства РФ от 13 июля 2013 г. № 586 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407553224/> (дата обращения: 29.11.2025).

³ Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019 - 2023 годы»: постановление Правительства РФ от 25 окт. 2018 г. № 1272 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.google.com/search?client=safari&rls=en&q> (дата обращения: 29.11.2025).

⁴ Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024 - 2028 годы»: постановление Правительства РФ от 6 сент. 2023 № 1454-47 [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/407653224/> (дата обращения: 29.11.2025).

ГЛАВА 2. ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО), ЗАКЛЮЧИВШЕГО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ, ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДЕЛ С ЕГО УЧАСТИЕМ

§ 1. Понятие и содержание тактической операции «Обеспечение безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве»

Как было определено в первом параграфе, обеспечение безопасности в уголовном судопроизводстве представляет собой деятельность по защите участника процесса от опасностей и угроз посредством системы предупредительных и охранных мер. Однако в соответствии с задачами настоящего исследования необходимо проанализировать сущность и содержание обеспечения безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве.

Оба этих понятия соотносятся как общее и частное, поэтому во втором случае это также определенная деятельность, которая характеризуется своими целями, условиями, средствами, субъектами и объектами.

Применительно к подозреваемому (обвиняемому), заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве, данная деятельность выступает ее частным случаем, сохраняя при этом характер целенаправленной активности, обладающей специфическими целями, условиями, средствами, субъектами и объектом. Для её глубокого анализа в рамках настоящего исследования целесообразно применение адекватных способов познания. Поскольку досудебное производство, по справедливому замечанию И.М. Комарова, состоит из типизированных действий, детерминированных складывающимися ситуациями, наиболее продуктивным представляется ситуационный подход¹. Он позволяет диагностировать следственные ситуации, выявить влияющие на них

¹ Комаров И.М. Криминалистические операции в досудебном производстве. Барнаул, 2002. С. 85.

факторы, разработать и оценить альтернативные направления деятельности, тем самым унифицируя действия следователя и обеспечивая эффективное разрешение типовых ситуаций с помощью отработанного комплекса приемов.

Логичным продолжением этого методологического выбора является рассмотрение обеспечения безопасности указанного участника процесса через призму тактической операции. Под тактической операцией понимается комплекс следственных, оперативно-разыскных, ревизионных и иных действий, объединенных единым планом и руководством следователя, направленный на решение тактической задачи, невыполнимой путем проведения отдельных следственных действий¹. Несмотря на существование в науке иных терминов («комбинация», «криминалистическая операция»), понятие «тактическая операция» наиболее точно отражает суть данного явления.

Итак, деятельность по обеспечению безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение, может быть концептуализирована как специальная тактическая операция. Она обладает всеми её родовыми признаками: собственной целью (заключается в создании подозреваемому (обвиняемому) таких условий, которые бы полностью исключали возможность противоправного воздействия на него с целью причинения вреда его жизни, здоровью, имуществу, а также психологического давления, направленного на отказ от сотрудничества); условиями проведения (конкретная следственная ситуация, которая выступает детерминирующим фактором), определенным кругом субъектов (следователь (или руководитель следственного органа), который уполномочен осуществлять процессуальные действия, направленные на обеспечение безопасности, и инициировать применение иных мер) и четко идентифицируемым объектом защиты (комплекс охраняемых благ и законных интересов подозреваемого (обвиняемого), а также производный от него публичный интерес в эффективном уголовном

¹ Хамидуллин Р.С. Понятие и содержание тактической операции «Привлечение подозреваемого (обвиняемого) к сотрудничеству путем заключения досудебного соглашения о сотрудничестве» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. №3 (41). С. 140.

судопроизводстве) и специфическим набором средств и методов, что образует структуру данной тактической операции¹.

Наиболее дискуссионным в доктрине является вопрос о средствах тактической операции. Существуют различные подходы: от ограничения средств только следственными действиями² до включения в их состав всего арсенала оперативно-розыскных, ревизионных, организационно-технических и тактических мероприятий. Представляется, что состав средств должен определяться целью конкретной операции и быть максимально гибким. Поэтому важно включать в качестве средств следственные и иные процессуальные действия, оперативно-розыскные, другие действия и тактические приемы, которые признаются мерами безопасности подозреваемого (обвиняемого), сотрудничающего с правоохранительными органами, установленные действующим законодательством.

В литературе правового профиля признают различные подходы к дифференциации данных мер. С учетом специфики данного исследования наиболее верной считается классификация, в соответствии с которой меры безопасности дифференцируются на уголовно-процессуальные, то есть предусмотренные УПК РФ, и меры безопасности, предусмотренные другими федеральными законами Российской Федерации.

Помимо анализа сущности и структурных элементов, для разработки практических рекомендаций необходимо рассмотреть динамический аспект деятельности – этапы проведения тактической операции.

1. Этап принятия решения о проведении тактической операции.

Инициирование тактической операции по обеспечению безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о

¹ Беляков А.А., Хамидуллин Р.С. Организационное обеспечение расследования уголовного дела при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 3 (45). С. 133.

² Криминалистика: учебник для вузов / под ред. А. Г. Филиппова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2025. С. 184.

сотрудничестве, является ответственной стадией, непосредственно зависящей от складывающейся следственной ситуации.

Данный этап является комплексным и включает в себя четыре последовательных подэтапа: 1) получение информации о наличии угроз (выявление повода); 2) проверка поступивших сведений и установление оснований; 3) принятие формального решения о проведении операции; 4) моделирование (планирование) тактической операции.

Сущность первоначального этапа применения мер безопасности заключается в установлении предусмотренных законом оснований для их реализации. При этом, как справедливо подчеркивается в научной литературе, принципиально важно разграничивать понятия «повод» и «основание», которые, хотя и взаимосвязаны, не являются тождественными¹. В контексте безопасности участников процесса поводом выступают любые сведения о реальном или потенциальном посягательстве на лицо в связи с его участием в производстве по уголовному делу. Как правило, такие сведения должны иметь материальное отражение в реальности, например, в виде (1) письменного заявления (ходатайства) участника, (2) рапорта сотрудника правоохранительных органов, (3) материалов оперативно-розыскной деятельности или (4) протокола следственного действия, фиксирующих соответствующие факты.

В отличие от повода, основание представляет собой юридически значимый вывод, сформированный в результате оценки и проверки полученной информации. Законодатель конкретизирует его в ч. 3 ст. 11 УПК РФ как «наличие достаточных данных» о реальности угроз совершения в отношении защищаемого лица опасных противоправных деяний. Однако анализ данной формулировки выявляет ряд существенных проблем правоприменения: во-первых, что вызывает вопросы – это неоднозначное понятие «достаточные данные». Согласно толковому словарю русского языка С.И. Ожегова

¹ Ожегов С.И. Указ. соч. С. 791.

достаточные данные – это сведения, являющиеся необходимыми условиями для формулирования какого-либо вывода¹.

В научной литературе сформировались различные позиции относительно процессуальной природы «достаточных данных», упомянутых в законе в качестве основания для принятия мер безопасности. Сущность дискуссии сводится к вопросу о том, в какой форме должны существовать эти данные и каким способом они должны быть получены. Ряд ученых придерживается строгой процессуальной позиции, полагая, что сведения об угрозах должны быть облечены исключительно в форму доказательств, отвечающих всем требованиям УПК РФ, и получены в рамках уголовно-процессуального доказывания по конкретному делу². Однако другая, представляющаяся более обоснованной, точка зрения исходит из специфики самого основания. Ее сторонники справедливо указывают, что информация, свидетельствующая об угрозах безопасности участника процесса, зачастую не относится к предмету доказывания по основному уголовному делу и может быть получена из источников, изначально не имеющих доказательственного статуса³. Следовательно, «достаточные данные» могут быть установлены не только в рамках классического доказывания, но и иными путями, такими как непосредственное наблюдение за поведением фигурантов дела, оперативная информация или служебные рапорты. При этом для использования результатов оперативно-розыскной деятельности существует специальный регламент, установленный межведомственной инструкцией «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд, которая определяет порядок их представления следователю или в суд»⁴.

¹ Ожегов С.И. Указ. соч. С. 322.

² Кондра А.В., Малин П.М. Правовые проблемы обеспечения безопасности свидетеля в уголовном судопроизводстве // Вестник экономики и права. 2025. № 102. С. 126.

³ Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: мировой опыт и развитие российского законодательства (процессуальное исследование): монография. М., 2010. С. 378.

⁴ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России № 776,

Вторым проблемным аспектом практической реализации ч. 3 ст. 11 УПК РФ является содержащийся в ней исчерпывающий перечень видов противоправного воздействия, которое может быть оказано на участника процесса. Законодатель в качестве основания называет угрозы убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества либо совершением иных опасных противоправных деяний. Данная формулировка вызывает трудности в правоприменении, поскольку, во-первых, понятие «иного опасного противоправного деяния» является оценочным и законодательно не раскрыто, а во-вторых, сам перечень не учитывает весь спектр реально существующих способов давления. Как справедливо отмечает Е.И. Замылин на практике не редко встречаются такие формы воздействия, как психологическое давление, анонимные угрозы, преследование, шантаж, порочащие действия, направленные на подрыв репутации, или навязчивые «знаки внимания», явно демонстрирующие осведомленность противоположной стороны о деятельности лица¹. Разделяя позицию авторов, выступающих за совершенствование законодательства, представляется необходимым расширить диспозицию нормы, предусмотрев возможность применения мер безопасности при совершении любых противоправных деяний (включая психологическое давление, преследование, шантаж, клевету и т.д.), если они совершены с указанной специальной целью.

Что касается специальной нормы – ст. 317.9 УПК РФ – то здесь также следует указать на некоторые недостатки, которые существенно затрудняют ее практическую реализацию. Первичная проблема заключается в декларативном и отсылочном характере данной статьи. Несмотря на свое специальное предназначение, она не содержит самостоятельного перечня конкретных охранных мер. Часть 1 ст. 317.9 УПК РФ ограничивается отсылкой к общей норме – ст. 11 УПК РФ («Охрана прав и свобод человека и гражданина в

Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 // Российская газета. – 2013. – 3 дек.

¹ Замылин Е.И. Указ. соч. С. 52.

уголовном судопроизводстве») и к частному основанию для закрытого судебного разбирательства – п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ. При этом ст. 11 УПК РФ, будучи нормой-принципом, также не устанавливает мер безопасности, а лишь отсылает правоприменителя к иным положениям Кодекса, в числе которых вновь фигурирует тот же п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ.

Вторым значимым пробелом является норма, содержащаяся в специальных положениях УПК РФ, регламентирующих производство по делам о сотрудничестве. Она устанавливает возможность применения таких мер в отношении подозреваемого или обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, «при необходимости обеспечить безопасность». Данная формулировка носит чрезмерно широкий и абстрактный характер, поскольку не содержит никаких объективных критериев для определения такой «необходимости». Отсутствие конкретики в законе создает ситуацию правовой неопределенности и вступает в коллизию с общим основанием, закрепленным в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, которое требует «наличия достаточных данных» о реальной угрозе.

При исследовании правового регулирования мер безопасности в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, принципиальное значение приобретает анализ не только оснований, но и условия их применения. Таким ключевым условием является фактическое осуществление данным лицом сотрудничества со стороной обвинения в рамках и на условиях заключенного соглашения.

Особую сложность в правоприменительной практике представляет процедура принятия решения о применении мер, предусмотренных не УПК РФ, а иными федеральными законами, формирующими межотраслевой механизм безопасности. К ним относятся Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», Уголовно-исполнительный кодекс РФ и, что наиболее важно, Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников

уголовного судопроизводства» (Закон «О госзащите»). Каждый из этих актов наделяет правом применения конкретных мер безопасности специальный круг субъектов, при этом в большинстве случаев эти же субъекты самостоятельно принимают решение о применении соответствующих мер, что может приводить к разрозненности и ведомственному подходу.

Ключевое исключение из этой модели представляет собой Закон «О госзащите», который устанавливает единый централизованный процессуальный порядок запуска комплексных мер безопасности. В соответствии со ст. 3 данного закона решение об их применении принимают не оперативные или административные органы, а суд (судья), начальник органа дознания, руководитель следственного органа или следователь с согласия руководителя следственного органа, в производстве которых находится заявление (сообщение) о преступлении либо уголовное дело.

Таким образом, поводами для применения мер безопасности в рамках Закона «О госзащите», что соответствует подэтапу получения информации об угрозах, являются:

письменное заявление самого защищаемого лица (ч. 1 ст. 16);

письменное заявление его законных представителей или органов опеки, если защищаемое лицо является несовершеннолетним (ч. 2 ст. 16).

Однако нормативное закрепление поводов для защиты наталкивается на серьезную практическую проблему. Как справедливо указывают В. Саморока и М. Бекетов, нередко ситуации, когда участник процесса, несмотря на поступающие угрозы, в силу страха, недоверия к правоохранительным органам или иных причин, не инициирует формальное обращение о применении мер безопасности. В таком случае процедурный механизм Закона «О госзащите» не запускается, поскольку отсутствует необходимый письменный повод. Выходом из этой коллизии, по мнению исследователей, является активная разъяснительная и организационная роль следователя, который, выявив

косвенные признаки угрозы, должен убедить лицо написать соответствующее заявление или дать согласие на защиту¹.

Основанием же для принятия положительного решения, согласно ч. 1 ст. 16 Закона «О госзащите», являются данные о наличии реальной угрозы убийства, насилия или повреждения имущества защищаемого лица в связи с его участием в уголовном судопроизводстве. Критический анализ данной формулировки выявляет два существенных недостатка. Во-первых, законодатель, в отличие от ч. 3 ст. 11 УПК РФ, не использует критерий «достаточности» данных, что может рассматриваться как пробел юридической техники, так как любое процессуальное решение требует именно достаточных оснований. Во-вторых, и это главная проблема правоприменения, само понятие «реальность угрозы» не раскрыто в законе, что порождает высокую степень субъективизма и правовую неопределенность.

Схожая проблема ограничительного подхода к основаниям применения мер безопасности прослеживается и в Законе «О госзащите». Часть 1 ст. 16 данного закона содержит исчерпывающий перечень видов противоправного воздействия, данные о наличии которых служат основанием для применения мер безопасности. Такой подход не учитывает всей широты и многообразия реальных способов давления, оказываемого на лиц, сотрудничающих с правосудием. Как и в случае с УПК РФ, многие распространенные на практике формы воздействия остаются за рамками этого формального перечня, что создает правовой пробел.

В качестве условий, при которых возможно применение мер безопасности, предусмотренных Законом «О государственной защите», в научной литературе обоснованно выделяется совокупность взаимосвязанных критериев: активное и добросовестное содействие подозреваемого (обвиняемого) правоохранительным органам в раскрытии и расследовании преступления;

¹ Саморока В., Бекетов М. Принятие следователем решения о применении мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2023. № 1. С. 75.

информация, которой располагает такое лицо, должна иметь существенное (незаменимое) доказательственное значение для установления истины по уголовному делу;

необходимым условием является наличие достаточных данных о реальной угрозе причинения вреда важным законным интересам (жизни, здоровью, имуществу) защищаемого лица в связи с его сотрудничеством;

ключевое значение имеет принцип добровольности, реализуемый через получение письменного информированного согласия самого защищаемого лица, а в предусмотренных законом случаях – также согласия его законных представителей или иных заинтересованных лиц, чьи права могут быть затронуты применением мер;

применение ряда мер требует оформления специального письменного договора между уполномоченным органом и защищаемым лицом, в котором детально фиксируются взаимные права и обязанности, а также конкретные условия реализации избранных мер безопасности.

Вторым подэтапом механизма принятия решения о применении мер безопасности является всесторонняя проверка поступившей информации о предполагаемых угрозах. Обязательность такой проверки при применении мер в рамках Закона «О госзащите» прямо закреплена в ч. 2 ст. 18 данного закона. Для её проведения законодатель предоставляет следователю широкий арсенал средств. Ключевым инструментом является право следователя дать органу дознания обязательное для исполнения поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), специально направленных на выявление наличия или отсутствия реальной угрозы. Конкретный перечень ОРМ определяется уполномоченным подразделением, что позволяет гибко и профессионально подойти к сбору информации. Параллельно следователь проводит проверку в рамках уголовно-процессуальной деятельности. Наиболее информативным следственным действием в данном случае является допрос защищаемого лица, в ходе которого необходимо выяснить комплекс вопросов, позволяющих оценить уровень и характер опасности. Этот круг вопросов

включает: 1) выявление специфических методов противодействия, принятых в преступной группе; 2) установление известных случаев расправы с «предателями»; 3) анализ неформальных «законов» группы в отношении сотрудничающих с правосудием; 4) определение круга близких, которым может быть причинен вред; 5) оценку степени осведомленности преступной группы о факте сотрудничества и возможных источников утечки информации и др.

Следующим подэтапом является принятие решения о проведении тактической операции. Процедура и форма принятия решения дифференцированы в зависимости от вида применяемых мер. При использовании процессуальных мер безопасности, предусмотренных УПК РФ, следователь в ряде случаев обязан вынести постановление, которое служит формальным процессуальным основанием для их реализации. В иных ситуациях, прямо не требующих вынесения постановления согласно УПК РФ, решение может быть оформлено иным способом (например, путем внесения соответствующей записи в протокол следственного действия). В случае же применения мер безопасности в рамках Закона «О государственной защите» законодатель устанавливает более жесткие императивные требования. Следователь обязан, получив заявление (сообщение) об угрозе, в течение трех суток, а в неотложных случаях – немедленно, с согласия руководителя следственного органа вынести мотивированное постановление о применении мер безопасности. Данное постановление в день его вынесения направляется для исполнения в уполномоченный орган (подразделение государственной защиты), а также вручается лицу, в отношении которого оно вынесено, что обеспечивает своевременность начала защиты и информированность защищаемого лица.

Завершающей стадией принятия решения о применении мер безопасности является моделирование и планирование тактической операции. На данном этапе следователь, исходя из результатов проверки и оценки угрозы, разрабатывает конкретную программу действий по обеспечению безопасности. В первую очередь, определяется, достаточно ли для достижения цели только процессуальных мер или требуется комплексный подход с привлечением мер,

предусмотренных Законом «О госзащите». Как правило, эффективная защита лица, сотрудничающего со следствием, требует именно комплексного взаимодействия¹.

Ключевым элементом этапа становится составление детального плана операции. В его разработке в обязательном порядке должны участвовать, наряду со следователем, сотрудники подразделений государственной защиты и оперативные работники. План должен включать: (1) перечень конкретных следственных, процессуальных и иных действий; (2) последовательность, тактические приемы и сроки их проведения; (3) распределение ролей между всеми субъектами операции и механизмы их взаимодействия; (4) меры безопасности на всех этапах, включая содержание под стражей и конвоирование. Особое внимание уделяется организации взаимодействия с администрацией ИВС и СИЗО, вплоть до подготовки служебных документов (рапортов) о раздельном содержании и особом режиме.

2. Этап непосредственного производства комплекса действий при осуществлении тактической операции.

Данный этап представляет собой практическую реализацию разработанного плана и является центральным звеном в обеспечении безопасности защищаемого лица. Его сущность заключается в скоординированном выполнении всеми участниками (субъектами) тактической операции возложенных на них функций в строгом соответствии с законом и сложившейся следственной ситуацией.

Роль и действия следователя заключаются в непосредственном производстве запланированных следственных и иных процессуальных действий с применением специальных тактических приемов, направленных на минимизацию рисков (например, допрос в условиях анонимности, опознание без визуального контакта). Одновременно следователь выступает ключевым координатором, обеспечивающим взаимодействие между всеми субъектами

¹ Мышанский В.Л. Актуальные проблемы теоретических и практических аспектов оперативно-розыскной деятельности // Вестник науки. 2024. № 11 (80). С. 406.

операции. Это взаимодействие может осуществляться как по предварительному плану, так и оперативно корректироваться в связи с изменением обстановки.

Действия иных субъектов строго регламентированы и носят специализированный характер:

подразделение государственной защиты органов внутренних дел в установленные законом сжатые сроки (от немедленного до трех суток) выполняет комплекс организационно-распорядительных действий: готовит и утверждает мотивированное постановление о конкретных избранных мерах безопасности, получает письменное согласие защищаемого лица, определяет ответственных исполнителей и сроки. После этого начинается непосредственная реализация данных мер (личная охрана, выдача спецсредств, переселение и т.д.), о чем следователь уведомляется. Важно, что данное подразделение обладает правом самостоятельно проводить необходимые оперативно-розыскные мероприятия, а также инициировать перед следователем вопрос об изменении или отмене процессуальных мер безопасности.

подразделения ФСИН России обеспечивают реализацию специального режима содержания под стражей в отношении защищаемого лица (раздельное содержание, особый надзор, безопасное конвоирование) в соответствии с профильным законодательством.

Администрация мест содержания под стражей (ИВС, СИЗО) исполняет решения о раздельном содержании и обеспечивает внутренний режим безопасности.

3. Заключительный этап.

Заключительный этап тактической операции наступает при устранении необходимости в дальнейшей обеспечении безопасности, что обычно связано с устранением угрозы безопасности участника процесса либо с окончанием предварительного расследования. Документальное оформление завершения операции различается в зависимости от вида применявшихся мер.

Отмена мер безопасности носит дифференцированный характер: процессуальные меры, предусмотренные УПК РФ, в большинстве своем не имеют специальной процедуры отмены, так как носят разовый или ситуационный

характер (например, опознание в особых условиях). Исключение составляет контроль переговоров, который прекращается по постановлению следователя при отпадении необходимости, но не позднее окончания предварительного расследования (ч. 5 ст. 186 УПК РФ).

ежимные меры, регламентированные УИК РФ и Законом «О содержании под стражей», как правило, не отменяются, а действуют на протяжении всего срока расследования и даже отбывания наказания, обеспечивая непрерывную защиту в условиях изоляции.

еры в рамках Закона «О госзащите» имеют четко установленные основания для отмены (ст. 20), такие как устранение угрозы, отказ защищаемого лица от сотрудничества или нарушение им условий договора. Отмена производится по мотивированному постановлению уполномоченного органа.

Проведенный анализ позволяет определить обеспечение безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, как тактическую операцию, характеризующейся собственной целью, условиями, субъектным составом, объектом защиты и комплексом средств.

Моделирование процесса в виде трёхэтапной тактической операции (принятие решения, проведение, завершение) структурирует деятельность и оптимизирует межведомственное взаимодействие. Для её эффективности требуется совершенствование законодательства и разработка гибких ситуационных алгоритмов защиты.

§ 2. Тактика производства отдельных следственных действий по уголовным делам с участием подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве

Проведение тактической операции по обеспечению безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, на стадии предварительного расследования базируется на применении системы криминалистически обоснованных тактических приемов. В связи с этим отправной точкой исследования является определение понятия «тактический прием». В научной литературе отсутствует единый подход к его трактовке. Ряд авторов акцентируют внимание на его оптимальности и рациональности как способа действия следователя в конкретных ситуациях для достижения максимальной результативности следственных действий¹. О.Я. Баев рассматривает тактический прием через призму концепции противодействия². Однако, на наш взгляд, в данных дефинициях недостаточно отражена главная целевая направленность тактического приема в уголовном судопроизводстве – целенаправленное получение криминалистически значимой информации для раскрытия и расследования преступлений.

Наиболее полным и соответствующим задачам настоящего исследования представляется определение, предложенное А.С. Князьковым, который рассматривает тактический прием как рекомендованный криминалистической наукой рациональный, законный и этический способ воздействия на материальные и идеальные объекты с целью изменения их состояния, позволяющего получить информацию, необходимую для раскрытия и расследования преступления³. В данном определении синтезированы ключевые признаки тактического приема (научная обоснованность, оптимальность, законность, этичность) и четко обозначена его информационная сущность, что имеет принципиальное значение.

Особую актуальность это приобретает в контексте работы с лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве. Перед следователем в такой ситуации стоит двуединая задача: не только получить от данного

¹ Низамов В.Ю., Егоров И.М. Тенденции применения тактических приемов в предварительном расследовании // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2022. № 1. С. 79.

² Баев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. М., 2008. С. 29.

³ Князьков А.С. Концептуальные положения тактического приема. Томск, 2012. С. 39.

участника процесса полную и достоверную информацию о преступлении (о соучастниках, обстоятельствах, орудиях и т.д.), но и гарантировать его личную безопасность, которая становится условием эффективного сотрудничества. Угрозы безопасности наиболее остро проявляются в ходе следственных действий, предполагающих непосредственное взаимодействие с другими участниками (например, на очных ставках), что может парализовать волю сотрудничающего лица к даче показаний.

Таким образом, создание условий, исключающих возможность противоправного воздействия на лицо, сотрудничающее с правосудием, в рамках тактической операции по обеспечению его безопасности, непосредственно осуществляется через применение специальных тактических приемов. Эти приемы должны быть направлены как на нейтрализацию угроз и минимизацию рисков, так и на поддержание коммуникативного контакта с защищаемым лицом для достижения целей расследования.

Одним из ключевых следственных действий, сопряженных с высоким риском для безопасности подозреваемого (обвиняемого), сотрудничающего со следствием, является предъявление для опознания. Законодатель, предусмотрев в ч. 8 ст. 193 УПК РФ возможность его проведения в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего, создал важную процессуальную основу для защиты последнего. Однако, поскольку уголовно-процессуальный закон не регламентирует конкретные технические способы реализации данной нормы, на практике и в научной литературе выработан и обсуждается широкий спектр методов: от использования зеркального стекла¹ и предметов маскировки до применения специально оборудованных автомобилей².

¹ Савич М.В. Тактические приемы в системе тактического инструментария, используемого при расследовании преступлений // Труд. Профсоюзы. Общество. 2022. № 2(76). С. 69.

² Новикова М.В. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства как гарантия осуществления правосудия в современных условиях: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 103.

Среди предложений ученых особого внимания заслуживает идея о проведении опознания с использованием видеоаппаратуры, а именно в режиме реальной видеотрансляции. Данный способ обладает значительными преимуществами по сравнению с опознанием по статичной фотографии или заранее записанному видеоизображению. Видеотрансляция обеспечивает динамичность, позволяет опознающему рассмотреть опознаваемого под разными углами и попросить его выполнить определенные действия, что повышает достоверность и доказательственную ценность результатов. Кроме того, он является более экономически выгодной и гибкой альтернативой строительству специальных помещений с односторонней прозрачностью¹.

С технической точки зрения, организация опознания посредством видеотрансляции возможна двумя основными путями:

использованием аналоговых устройств. Данная методика предполагает использование видеокамеры, телевизора, соединительного кабеля и средств аудиосвязи. Опознаваемый со статистами, защитником и понятыми находится в одном помещении, где установлена камера. Опознающий, следовательно и, при необходимости, отдельные понятые располагаются в соседнем помещении с монитором, на который в режиме реального времени передается изображение. Преимуществами этого способа являются его техническая автономность, относительная простота и надежная защита от внешнего вмешательства.

использованием цифровых устройств и сетевых технологий. Этот более современный способ базируется на применении цифровых камер, компьютеров и сетевого подключения (например, по защищенным каналам ведомственной IP-сети). Его главное достоинство – возможность проведения опознания при территориальной разобщенности участников, которые могут находиться в разных подразделениях, вплоть до различных субъектов РФ. Это позволяет оперативно провести следственное действие без необходимости этапирования опознаваемого, что особенно актуально при расследовании многоэпизодных дел

¹ Соколов Д.С. Государственная защита участников уголовного процесса со стороны обвинения: некоторые проблемы и решения // Право и политика. 2018. № 1. С. 32.

с участниками из разных регионов. Дополнительным преимуществом является возможность параллельной цифровой фиксации хода действия (скриншоты, запись) и формирования электронного протокола.

Таким образом, существующая редакция ч. 8 ст. 193 УПК РФ, устанавливающая общий принцип «условий, исключающих визуальное наблюдение», является достаточной правовой базой для применения метода видео-конференц-связи. Этот способ не только технически реализуем, но и оптимально соответствует целям тактической операции по обеспечению безопасности.

Проведение *очной ставки* с участием подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, представляет собой одну из наиболее сложных и рискованных с точки зрения обеспечения его безопасности процессуальных задач. Традиционный формат очной ставки неизбежно приводит к раскрытию факта сотрудничества одного из участников с правоохранительными органами перед другим. Для лица, участвующего в процессе под псевдонимом, обычная очная ставка и вовсе процессуально невозможна, так как немедленно раскрывает его личность.

В этой связи в научной доктрине активно обсуждается вопрос о допустимости и тактике проведения очной ставки в дистанционном формате с применением технических средств, искажающих аудио- и видеопоток (аудио- и видеопомех) для защиты идентифицирующих признаков сотрудничающего лица. Так, одни авторы считают, что очная ставка с лицами, в отношении которых применяются меры безопасности, должны быть запрещены, за исключением крайних случаев с использованием специальных технических средств¹; другие придерживаются позиции о недопустимости дистанционного формата, аргументируя тем, что сущность очной ставки заключается в создании условий контролируемой конфронтации при непосредственном одновременном

¹ Новикова М.В. Указ. соч. С. 106.

присутствии, что позволяет сторонам открыто опровергать друг друга¹; третьи допускают проведение очной ставки посредством видеоконференцсвязи с аудио- и видеопомехами как специальную меру безопасности². Мы же считаем, что допустима в качестве меры безопасности участника уголовного процесса возможность проведения указанного следственного действия посредством видео-конференц-связи с аудио- и видеопомехами, исключающими идентификацию данного лица.

Итак, проведение очной ставки с использованием видеоконференцсвязи, аудио- и видеопомех представляет собой необходимый и законный тактический прием в рамках операции по обеспечению безопасности. Он позволяет сохранить доказательственное значение этого сложного следственного действия, нейтрализуя при этом ключевые угрозы для защищаемого участника процесса, что является императивом справедливого правосудия в условиях противодействия организованной преступности.

Проведение *проверки показаний на месте и следственного эксперимента* с участием подозреваемого (обвиняемого), сотрудничающего со следствием, сопряжено с уникальным комплексом угроз, связанных с возможностью его визуального опознания на локации. Эта проблема приобретает критическую важность в случаях, когда лицу присвоен псевдоним, и его раскрытие сводит на нет все меры государственной защиты. Основная тактическая задача следователя в этой ситуации заключается в максимальной маскировке внешности и поведенческих характеристик такого участника для предотвращения его узнавания третьими лицами, в том числе возможными соучастниками преступления, которые могут осуществлять визуальное наблюдение.

¹ Тройнина И.С. Некоторые проблемы государственной защиты потерпевших и свидетелей в уголовном судопроизводстве // Вестник ВИ МВД России. 2024. № 2. С. 265.

² Олейник Е.А. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства: анализ научных трудов ученых волгоградской академии МВД России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 142.

Для решения данной задачи представляется целесообразным применение комплекса специальных тактических приемов, направленных на визуальную и поведенческую трансформацию защищаемого лица:

использование предметов маскировки и специальной одежды. Наиболее эффективным и технически простым способом является применение средств, скрывающих антропометрические и физиологические признаки. К ним относятся маски или капюшоны с прорезями для глаз, бесформенные костюмы или накидки защитного (нейтрального) цвета, перчатки. Важным аспектом является использование одежды, не принадлежащей самому участнику и не соответствующей его привычному стилю, что исключает опознание по характерным предметам гардероба.

коррекция поведенческих и динамических признаков. В ходе следственного действия защищаемому лицу следует, по возможности, изменить характерные элементы двигательного стереотипа: походку, осанку, наклон головы, жестикуляцию. Инструктаж о необходимости такого изменения является обязательным элементом подготовки. Данный прием направлен на противодействие узнаванию по манере движения, которая часто является устойчивым идентификационным признаком.

активный отказ от производства действия. В случаях, когда у лица имеются ярко выраженные и неустраняемые особые приметы (например, хромота, сильная сутулость, уникальные татуировки на открытых участках тела, явные дефекты речи), которые делают его мгновенно узнаваемым даже при использовании базовой маскировки, проведение проверки показаний на месте или следственного эксперимента в его участием признается нецелесообразным и опасным. В такой ситуации тактически верным решением будет отказ от выезда на место и поиск альтернативных способов проверки информации.

Подводя итог анализу тактических особенностей производства следственных действий в рамках обеспечения безопасности лиц, заключивших досудебное соглашение, можно заключить, что действующее законодательство, несмотря на наличие общих норм о мерах безопасности, требует дальнейшей

конкретизации и адаптации к современным реалиям. Практическое же применение разработанных тактических рекомендаций – от использования цифровых технологий при опознании и дистанционного формата очной ставки до методов физической маскировки – формирует комплексный инструментарий следователя. Этот инструментарий позволяет не только эффективно получать доказательства, но и обеспечивать реальную, а не декларативную безопасность участников сотрудничества, что является ключевым условием для их эффективного взаимодействия с правосудием в ходе расследования тяжких и особо тяжких преступлений.

Тактические особенности производства иных процессуальных действий по уголовным делам с участием подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве

Как установлено в ходе настоящего исследования, следственное действие выступает основной процессуальной формой реализации тактических приемов. Сформулированное А.С. Князьковым определение тактического приема как рационального, законного и этичного способа воздействия на объекты для получения криминалистически значимой информации позволяет распространить данный тезис и на иные процессуальные действия. Их производство также представляет собой поле для применения специальных тактических решений, направленных на достижение двукратной цели: получение информации для расследования и обеспечение безопасности сотрудничающего с правосудием лица.

В контексте тактической операции по обеспечению безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, к числу ключевых иных процессуальных действий, обладающих ярко выраженной охранной функцией, относятся:

выделение уголовного дела в отдельное производство (п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ). Данное действие является фундаментальным тактическим решением,

направленным на процессуальную изоляцию материалов, касающихся подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве.

еприведение в протоколе данных о личности защищаемого участника (ч. 9 ст. 166 УПК РФ). Этот процессуальный механизм позволяет формализовать участие лица под псевдонимом в следственных действиях.

пециальный порядок хранения материалов досудебного соглашения (ч. 3 ст. 317.4 УПК РФ). Тактически обоснованное помещение ходатайства, постановлений и самого соглашения в опечатанный конверт представляет собой физический барьер для несанкционированного доступа.

Важно подчеркнуть, что перечисленные действия являются не чем иным, как предусмотренными уголовно-процессуальным законом конкретными мерами безопасности. Их последовательное и методически грамотное применение формирует процессуальную защиту.

Кроме того, в рамках обеспечения безопасности подлежит рассмотрению тактика изменения меры пресечения в отношении сотрудничающего лица, содержащегося под стражей. Основанием для этого служит п. 4 ч. 2 ст. 14 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», хотя сама мера безопасности не является процессуальной.

Процедура выделения уголовного дела в отдельное производство в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым прокурором заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ), представляет собой ключевой процессуальный механизм и одновременно сложный тактический прием, направленный на создание информационного барьера вокруг личности подозреваемого (обвиняемого). Его сущность заключается в изъятии из основного уголовного дела всех материалов, прямо или косвенно идентифицирующих сотрудничающее лицо, и их приобщении к выделенному делу.

В научной литературе сформировались различные позиции относительно целесообразности данной меры. Одни авторы полагают ее неэффективной, поскольку факт сотрудничества в любом случае станет известен другим обвиняемым в суде¹. Другие считают выделение обязательным как неотъемлемое условие применения особого порядка судебного разбирательства по делу². Правовую определенность внес Пленум Верховного Суда РФ, указав в п. 5 Постановления № 16 от 28.06.2012, что выделение дела является обязательным для применения особого порядка, предусмотренного ст. 317.7 УПК РФ³. Таким образом, данная мера приобрела императивный характер, совмещая в себе цели как процессуального порядка, так и безопасности.

Однако действующее законодательство содержит пробел, не регламентируя порядок сохранения в тайне данных о личности лица, заключившего соглашение о сотрудничестве, непосредственно в постановлении о выделении уголовного дела. Предложение ученых действовать по аналогии с ч. 9 ст. 166 УПК РФ, используя псевдоним⁴, сталкивается с отсутствием прямой правовой основы. На наш взгляд, УПК РФ не позволяет действовать по аналогии, и, чтобы лицо производящее расследование имело возможность не приводить данные о личности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, не только в протоколах следственных действий, но и при осуществлении процессуальных действий, в том числе при вынесении постановлений, должны быть внесены соответствующие изменения в УПК РФ.

¹ Родионова А.А. Проблемы досудебного соглашения о сотрудничестве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 5-4 (92). С. 251.

² Воронов Д.А. Черепанова Л.В. Применение лицом, расследующим уголовное дело, мер по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства: учебно-методическое пособие. Барнаул, 2022. С. 13.

³ О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 16 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131884/ (дата обращения: 27.11.2025).

⁴ Глебов В.Г., Костенко Н.С. Проблемы выделения уголовного дела в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве // Российский следователь. 2021. № 24. С. 17.

Тактически критическим является момент принятия решения о выделении. Закон связывает его с моментом возникновения угрозы безопасности. Однако с тактической точки зрения решение должно приниматься превентивно – не только при установленной, но и при предполагаемой угрозе, и как можно раньше. Раннее выделение дела и изъятие идентифицирующих материалов минимизирует «информационный след» сотрудничающего лица в основном деле, что является самостоятельным тактическим приемом, направленным на упреждение возможных угроз.

К числу материалов, подлежащих обязательному и незамедлительному изъятию из основного дела и приобщению к выделенному, относятся:

явление лица об угрозах или согласие на меры безопасности;

остановления о применении мер безопасности и уведомления соответствующих органов;

се материалы, связанные с заключением досудебного соглашения (ходатайство, постановления следователя и прокурора, само соглашение), хранящиеся в опечатанном конверте (ч. 3 ст. 317.4 УПК РФ);

остановление о сохранении в тайне данных о личности (ч. 9 ст. 166 УПК РФ).

Тактически недопустимо оставление в основном деле даже копий этих документов. Их полное изъятие, не оставляющее в основном производстве материалов для идентификации, представляет собой важнейший тактический прием обеспечения безопасности.

Таким образом, процедура выделения уголовного дела является не формальным актом, а динамичным тактическим комплексом. Его эффективность зависит от превентивности, тщательности подготовительной работы, абсолютной полноты изъятия компрометирующих материалов и системного процессуального контроля, что в совокупности создает надежный правовой и информационный барьер для обеспечения безопасности лица, сотрудничающего со следствием.

Правовой основой для обеспечения конфиденциальности лица, сотрудничающего со следствием, выступает ч. 9 ст. 166 УПК РФ,

предоставляющая следователю право *не приводить в протоколах следственных действий данные о его личности*. Данная процедура, детализированная в ст. 317.9 УПК РФ, представляет собой формализованный тактический прием, суть которого заключается в замене подлинных установочных данных участника на вымышленный псевдоним с одновременным вынесением мотивированного постановления, помещаемого в опечатанный конверт. Тактически применение данного приема является превентивной мерой, целесообразной не только при явных угрозах, но и при предполагаемых рисках, особенно в случаях, когда другие фигуранты не знакомы с подозреваемым (обвиняемым) лично или планируется проведение очной ставки в дистанционном формате с использованием аудио- и видеопомех.

Ключевой научной и практической проблемой, от решения которой зависит эффективность этой меры, является определение содержания понятия «данные о личности». Узкое его толкование (традиционные установочные данные: ФИО, дата и место рождения, адрес)¹ не отвечает современным реалиям расследования сложных, многоэпизодных дел, где идентификация возможна по совокупности косвенных признаков. Более широкая трактовка, предлагаемая рядом исследователей, включает любые сведения, способствующие установлению личности: этническую принадлежность, профессию, детали биографии, характер и давность взаимоотношений с другими участниками процесса, иные уникальные обстоятельства совместной деятельности².

Таким образом, тактически грамотное применение данного приема требует от следователя проведения содержательного анализа не только прямых анкетных данных, но и контекстуальной информации, фиксируемой в показаниях. К числу сведений, подлежащих сокрытию, относятся:

данные о фактах знакомства с соучастниками;

¹ Чекмарева Э.Э., Маркелов А.Г. Эффективность применения мер государственной защиты в отношении различных категорий участников уголовного процесса со стороны обвинения // Вестник науки. 2026. №1 (94). С. 834.

² Брусницын Л.В. Указ. соч. С. 174

ведения об общих знакомых, местах частых встреч или прошлой совместной деятельности;

поминание уникальных, редко встречающихся профессиональных навыков или биографических эпизодов;

любые иные детали, которые, будучи известны другому фигуранту, позволят ему однозначно идентифицировать собеседника.

Однако полное изъятие такой информации из материалов дела может нанести ущерб интересам следствия и правам защиты на ознакомление с доказательствами. В качестве тактического компромисса, обеспечивающего и безопасность, и полноту доказательственной базы, предлагается следующее решение: критически важные для расследования, но компрометирующие сведения оформляются в виде отдельного письменного приложения к протоколу допроса. Данное приложение вместе с постановлением о сохранении в тайне данных о личности помещается в опечатанный конверт и хранится при уголовном деле в условиях, исключающих ознакомление с ним иных участников процесса до момента, когда угроза безопасности миновала или будет нейтрализована.

Следовательно, неприведение в протоколе следственного действия не только базовых данных, но и любой иной информации, способствующей идентификации сотрудничающего лица, представляет собой сложный тактический прием дозирования и защиты криминалистически значимой информации. Его применение требует от следователя высокого уровня аналитических способностей, прогнозирования возможных каналов идентификации и нахождения баланса между противоположными интересами: максимальной защиты личности и сохранения доказательственной ценности его показаний.

Хранение комплекта документов, связанных с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, в опечатанном конверте, в порядке ч. 3 ст. 317.4 УПК РФ.

Данная норма предписывает хранение ходатайства защиты, постановления следователя о возбуждении ходатайства перед прокурором, постановления прокурора об удовлетворении этого ходатайства и самого текста досудебного соглашения о сотрудничестве в опечатанном конверте. Законодатель прямо указывает, что основанием для применения данной меры является возникновение угрозы безопасности сотрудничающего лица. Однако в теории и практике возникает важный вопрос о моменте принятия такого решения. Анализ показывает, что следователю необходимо руководствоваться не только фактом реальной, высказанной или документально зафиксированной угрозы, но и действовать превентивно – при установлении обоснованных данных о предполагаемой угрозе, исходя из специфики уголовного дела, личности фигурантов и характера раскрываемых преступных связей.

Тактическая эффективность данной меры значительно повышается при ее системном применении. Наиболее рациональным и обеспечивающим максимальный уровень секретности видится комплексный подход, при котором одновременно выносятся два процессуальных решения: 1) о хранении указанных документов в опечатанном конверте и 2) о выделении уголовного дела в отношении сотрудничающего лица в отдельное производство (в соответствии со ст. 154 УПК РФ), если это не было сделано ранее. Последующее хранение опечатанного конверта именно в материалах выделенного уголовного дела создает дополнительный, изолированный контур защиты, ограничивая круг лиц, имеющих доступ к данной информации, только теми, кто непосредственно расследует дело в отношении «сотрудника». В ходе проведенного исследования установлено, что подобная практика – выделение подлинников этих документов в отдельное производство – является преобладающей, несмотря на отсутствие прямого указания в законе, и заслуживает положительной оценки. При этом в основном деле копии, как правило, не остаются, что минимизирует утечку данных. Вместе с тем, выявлены и случаи нарушения этой логики, когда подлинники хранились непосредственно в общем томе основного уголовного

дела, что нивелирует саму идею конфиденциальности и создает серьезные риски для безопасности.

Для устранения выявленных недостатков и формирования единообразной защитной практики целесообразно внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство. В частности, предлагается дополнить п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ, регламентирующий основания для выделения дела, прямым указанием на то, что в отдельное производство выделяются, в том числе, документы, перечисленные в ч. 2 ст. 317.4 УПК РФ. Это законодательно закрепит обязанность следователя изымать указанные документы из основного дела и приобщать их к выделенному производству. Отдельного внимания заслуживает вопрос материальной формы хранения. На практике нередки случаи, когда документы, хотя и находятся в выделенном деле, но просто подшиты в его материалы, а не изолированы в отдельном опечатанном конверте. Такая форма не соответствует смыслу и цели закона. Хранение в опечатанном конверте, который впоследствии может быть вскрыт только по решению суда в исключительных случаях (ч. 4 ст. 317.4 УПК РФ), является необходимым тактическим элементом операции «Обеспечение безопасности».

Законодатель связывает необходимость опечатывания конверта с моментом возникновения угрозы безопасности. Однако с тактической точки зрения ожидание явной, озвученной угрозы является запоздалой и рискованной стратегией. Угроза для лица, решившего сотрудничать с государством в рамках уголовного преследования своих соучастников, носит предполагаемый характер с момента выражения им соответствующей готовности. Поэтому тактически обоснованным и необходимым является превентивное применение данной меры – немедленно после подписания досудебного соглашения, а в идеале – одновременно с возбуждением перед прокурором соответствующего ходатайства. Такой подход позволяет свести к минимуму временной промежуток, в течение которого информация о сотрудничестве, будучи зафиксированной в материалах основного дела, остается уязвимой.

Изменение меры пресечения в отношении подозреваемого (обвиняемого), содержащегося под стражей и заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, на основании п. 4 ч. 2 ст. 14 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» представляет собой сложный тактико-процессуальный прием, вызывающий дискуссию в научной среде. Критики данной нормы полагают, что угроза безопасности не отменяет первоначальных оснований для заключения под стражу (риск сокрытия, воспрепятствования следствию) и потому несовместима с институтом мер пресечения, предлагая ее исключение из закона.

Однако такая позиция не учитывает принципиальное изменение процессуального статуса и поведения лица после заключения соглашения. Тактическая сущность данного приема заключается в том, что факт сотрудничества со следствием и возникающие в связи с этим угрозы трансформируют обстоятельства, подлежащие оценке по ст. 99 УПК РФ. Во-первых, само досудебное соглашение подразумевает взятие лицом не только позитивных обязательств (активное содействие), но и обязательства воздерживаться от действий, препятствующих правосудию (ст. 97 УПК РФ), что снижает вероятность реализации первоначальных рисков. Во-вторых, реальные угрозы расправы со стороны соучастников становятся новым, доминирующим «иным обстоятельством», которое должно быть взвешено наряду с тяжестью преступления и данными о личности. В-третьих, содержание в СИЗО зачастую не только не обеспечивает безопасности лиц, но и создает для него прямую угрозу, одновременно блокируя применение иных, более эффективных мер безопасности, предусмотренных законом о госзащите (например, переселение, изменение внешности).

Таким образом, изменение меры пресечения является законным и тактически обоснованным в рамках ст. 110 УПК РФ, поскольку меняется совокупность обстоятельств, а необходимость в строгой изоляции может отпасть ввиду нового статуса лица.

В заключении отметим, что обеспечение безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, представляет собой тактическую операцию, реализуемую через ключевые процессуальные действия: выделение уголовного дела, применение псевдонима, хранение документов в опечатанном конверте и изменение меры пресечения. Их эффективность зависит от превентивного, системного и содержательно полного применения, а не от формального соблюдения процедур.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование, посвященное обеспечению безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, позволило решить поставленные задачи и достичь цели работы, заключающейся в разработке предложений по совершенствованию законодательства и формулировании тактико-криминалистических рекомендаций для повышения эффективности данной деятельности.

В ходе исследования были получены следующие основные результаты и выводы.

Теоретически обосновано, что угроза безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, представляет собой не частную проблему, а специфическую форму криминального противодействия расследованию. Она характеризуется умышленным, целенаправленным характером и имеет конечной целью воспрепятствование правосудию через нейтрализацию института досудебного сотрудничества. Сформулировано авторское определение данной угрозы как непосредственной формы опасности, выражающейся в высказанных или предполагаемых действиях (условиях), которые создают реальную вероятность причинения вреда охраняемым законом интересам лица и препятствуют добросовестному выполнению им обязательств по сотрудничеству со следствием. Разработана и обоснована дифференциация угроз по способу воздействия (физические, психологические, материальные) и по форме их проявления (высказанные, предполагаемые, мнимые).

Проанализирована эволюция правовых основ обеспечения безопасности в уголовном судопроизводстве, что позволило выделить ключевые этапы становления института государственной защиты. Установлено, что действующее законодательство (в первую очередь, нормы УПК РФ и Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ) создало необходимую правовую базу. Однако выявлен ряд системных пробелов и коллизий, снижающих эффективность правоприменения.

Разработана концепция обеспечения безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение, как специальной тактической операции в структуре предварительного расследования. Определены ее цель, объект, субъектный состав и комплекс средств (процессуальные, оперативно-розыскные, организационные). Описана трехуровневая динамическая модель операции, включающая этапы: принятия решения (выявление угроз, проверка, планирование), непосредственного проведения (скоординированные действия следователя, подразделений госзащиты, ФСИН) и завершения (отмена мер, оценка результатов). Разработаны тактико-криминалистические рекомендации, применимые как к отдельным следственным, так и к иным процессуальным действиям.

Таким образом, обеспечение безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, является императивом современного правосудия и условием эффективного противодействия организованной преступности. Дальнейшее развитие данного института требует системного подхода, сочетающего совершенствование законодательства, внедрение современных криминалистических технологий и постоянное повышение профессиональной компетенции сотрудников правоохранительных органов, ответственных за реализацию мер государственной защиты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

I. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 04.10.2022 № 1-ФКЗ и др.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.11.2025).

Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10. 1977) [Электронный ресурс]. – URL:

Конституции (Основного Закона) Российской Федерации – России (принята ВС РСФСР 12.04.1978 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/183126/> (дата обращения: 29.11.2025).

Декларации СНГ РСФСР «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» № 22-1 от 12.06.1990 [Электронный ресурс]. – URL:

внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: закон СССР от 12.06.1990 № 1556-1 // Ведомости СНГ СССР и ВС СССР. – 1990. – 27 июня.

безопасности: закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 // Рос. газ. – 1992. – 6 мая.

об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон Рос. Федерации от 12 авг. 1995 г. № 114-ФЗ (ред. от 01.04.2025): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июля 2013 г. // Рос. газ. – 1995. – 18 авг.

содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федер. закон Рос. Федерации от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 июня 1995 г. // Рос. газ. – 1995. – 20 июля.

государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон Рос. Федерации от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 31 июля 2004 г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 8 авг. 2004 г. // Рос. газ. – 2004. – 25 авг.

внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 2009 г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 17 июня 2009 г. // Рос. газ. – 2009. – 3 июля.

безопасности: федер. закон Рос. Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 7 дек. 2010 г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 15 дек. 2010 г. // Рос. газ. – 2010. – 29 дек.

внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 18 февр. 2013 г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 20 февр. 2013 г. // Рос. газ. – 2013. – 6 марта.

О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федер. закон Рос. Федерации от 6 июня 2016 г. № 375-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 июня 2016 г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 29 июня 2016 г. // Рос. газ. – 2016. – 7 июля.

головно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 23.07.2025): принят Гос. Думой

Федер. Собр. Рос. Федерации 18 дек. 1996 г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 25 дек. 1996 г. // Рос. газ. – 1996. – 16 янв.

внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29 дек. 2022 г. № 610-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 дек. 2022 г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 23 дек. 2022 г. // Рос. газ. – 2023. – 1 янв.

б утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 // Российская газета. – 2013. – 3 дек.

некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 6 сент. 2008 г. № 1316 // Собрание законодательства РФ. – 2008. – 10 сент.

Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс]. – URL: обращения: 27.11.2025).

б утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009 - 2013 годы»: постановление Правительства РФ от 2 октября 2009 г. № 792 [Электронный ресурс]. – URL:

б утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на [Электронный ресурс]. – URL:

б утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019 - 2023 годы»: постановление Правительства РФ от 25 окт. 2018 г. № 1272 [Электронный ресурс]. – URL: (дата обращения: 29.11.2025).

б утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024 - 2028 годы»: постановление Правительства РФ от 6 сент. 2023 № 1454-47 [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/407653224/> (дата обращения:

иланский план действий (принят и одобрен резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 40/32 от 29.11.1985 г.) [Электронный ресурс]. – URL:

екларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 4

енская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века (одобрена Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 55/59 от 04.12.2000 г.)
ß

мский статут Международного уголовного суда от 17.07.1998 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901750575> (дата обращения: ө

равила процедуры и доказывания в Международном уголовном суде [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/rules/icc_rules.pdf
д дата обращения: 27.11.2025).

олвадорская декларация о комплексных стратегиях для ответа на глобальные вызовы: системы предупреждения преступности и уголовного правосудия и их развитие в изменяющемся мире (одобрена резолюцией Генеральной Ассамблеи
и

и

и

и

и

Учебная, научная литература и иные материалы

1. Баев, О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него / О.Я Баев // – Москва: Экзамен, 2008. – 639 с.
2. Белкин, Р.С. Соккрытие как форма противодействия / Р.С. Белкин // Курс криминалистики. Москва: Акад. МВД СССР, 1979. – 407 с.
3. Беляков, А.А., Хамидуллин, Р.С. Организационное обеспечение расследования уголовного дела при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве / А.А. Беляков, Р.С. Хамидуллин // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 3 (45). – С. 127–134.
4. Брусницын, Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: мировой опыт и развитие российского законодательства (процессуальное исследование): монография / Л.В. Брусницын // – Москва: Юрлитинформ, 2010. – 464 с.
5. Войников, В.В. Тактика обеспечения безопасности в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Войников Вадим Валентинович. – Калининград, 2002. – 185 с.
6. Воронов, Д.А., Черепанова, Л.В. Применение лицом, расследующим уголовное дело, мер по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства: учебно-методическое пособие / Д.А. Воронов, Л.В. Черепанов. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2022. – 42 с.
7. Глебов, В.Г., Костенко, Н.С. Проблемы выделения уголовного дела в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве / В.Г. Глебов, Н.С. Костенко // Российский следователь. – 2021. – № 24. – С. 16–18.
8. Епихин, А.Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 331 с.
9. Жариков, Е.В. Дифференциация уголовного процесса, как средство обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Жариков Евгений Викторович. – Барнаул, 2004. – 183 с.

10. Журавлев, С.Ю. Противодействие деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и тактика его преодоления: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Журавлев Сергей Юрьевич. – Н. Новгород, 1992. – 201 с.

11. Зайцев, О.А. Государственная защита участников уголовного процесса / О.А. Зайцев. – Москва: Экзамен, 2001. – 512 с.

12. Замылин, Е.И. Правовые и криминалистические проблемы обеспечения безопасности лиц, содействующих раскрытию и расследованию преступлений: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2010. – 240 с.

13. Карагодин, В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Карагодин Владимир Николаевич. – Екатеринбург, 1992. – 388 с.

14. Князьков, А.С. Концептуальные положения тактического приема. – Томск: Том. ун-та, 2012. – 190 с.

15. Комаров, И.М. Криминалистические операции в досудебном производстве : монография. – Барнаул: Алт. ун-та, 2002. – 346 с.

16. Кондра, А.В., Малин, П.М. Правовые проблемы обеспечения безопасности свидетеля в уголовном судопроизводстве / А.В. Кондра, П.М. Малин // Вестник экономики и права. – 2025. – № 102. – С. 121–127.

17. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. А.Г. Филиппова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2025. – 402 с.

18. Мышанский, В.Л. Актуальные проблемы теоретических и практических аспектов оперативно-розыскной деятельности / В.Л. Мышанский // Вестник науки. – 2024. – № 11 (80). – С. 405–409.

19. Низамов, В.Ю., Егерев, И.М. Тенденции применения тактических приемов в предварительном расследовании / В.Ю. Низамов, И.М. Егерев // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2022. – № 1. – С. 70–82.

20. Новикова, М.В. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства как гарантия осуществления правосудия в современных условиях: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Новикова Марина Викторовна. – Екатеринбург, 2006. – 234 с.

21. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений; под ред. проф. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. – М.: Мир и образование, 2011. – 1360 с.

22. Олейник, Е.А. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства: анализ научных трудов ученых волгоградской академии МВД России / Е.А. Олейник // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2025. – № 3 (74). – С. 140–145.

23. Петрова, А.Н. Противодействие расследованию, криминалистические и иные меры его преодоления: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Петрова Алла Николаевна. – Волгоград, 2000. – 254 с.

24. Родионова, А.А. Проблемы досудебного соглашения о сотрудничестве / А.А. Родионова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – №5-4 (92). – С. 250–252.

25. Савич, М.В. Тактические приемы в системе тактического инструментария, используемого при расследовании преступлений / М.В. Савич // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2022. – № 2(76). – С. 63–72.

26. Саморока, В., Бекетов, М. Принятие следователем решения о применении мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства / В. Саморока, М. Бекетов // Уголовное право. – 2011. – № 1. – С. 72–77.

27. Соколов, Д.С. Государственная защита участников уголовного процесса со стороны обвинения: некоторые проблемы и решения / Д.С. Соколов // Право и политика. – 2018. – № 1. – С. 28–38.

28. Тройнина, И.С. Некоторые проблемы государственной защиты потерпевших и свидетелей в уголовном судопроизводстве / И.С. Тройнина // Вестник ВИ МВД России. – 2024. – № 2. – С. 262–266.

29. Хамидуллин, Р.С. Понятие и содержание тактической операции «Привлечение подозреваемого (обвиняемого) к сотрудничеству путем заключения досудебного соглашения о сотрудничестве» / Р.С. Хамидуллин // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2022. – №3 (41). – С. 149–156.

30. Чекмарева, Э.Э., Маркелов, А.Г. Эффективность применения мер государственной защиты в отношении различных категорий участников уголовного процесса со стороны обвинения / Э.Э. Чекмарева, А.Г. Маркелов // Вестник науки. – 2026. – №1 (94). – С. 832–838.

III. Эмпирические материалы

1. О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 16 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131884/ (дата обращения: 27.11.2025).

2. Дневник преддипломной практики // Личный архив автора – 2025.

3. Задание на преддипломную практику от 20 сентября 2025 г. // Личный архив автора – 2025. – С. 10–13.

4. Материалы изучения протоколов следственных действий // Личный архив автора – 2025.

Материал не содержит сведений, составляющих государственную и служебную тайну

Р.И. Ганиев

АНКЕТА ДЛЯ СОТРУДНИКОВ ОВД

Данное анкетирование проводится в рамках написания выпускной квалификационной работы по теме: «Обеспечение безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве: уголовно-процессуальные и тактико-криминалистические аспекты (по материалам территориального органа внутренних дел)». Результаты анкетирования будут использоваться в качестве подтверждения или опровержения полученных выводов в ходе написания дипломной работы.

Инструкция: Пожалуйста, отметьте вариант ответа, наиболее точно соответствующий Вашему профессиональному опыту и мнению.

1. С какими основными видами угроз безопасности лиц, заключивших ДСОС, Вам приходилось сталкиваться на практике? (Можно выбрать несколько вариантов)

- Угрозы физической расправы (убийством, насилием): 22 чел. (84.6%);
- Психологическое давление, шантаж: 19 чел. (73.1%);
- Угрозы в отношении имущества или близких родственников: 16 чел.
- Иное (укажите): 2 чел. (7.7%) – коррупционное давление, угрозы распространением компрометирующей информации.

2. Как часто, по Вашему опыту, угрозы в адрес «сотрудничающего» лица носят реальный и подтвержденный характер?

- В большинстве случаев угрозы реальны и подтверждаются данными ОРД/следствия: 15 чел. (57.7%);
- Примерно в половине случаев: 7 чел. (26.9%);

- Реальные угрозы встречаются редко, чаще это преувеличенные страхи: 4 чел. (15.4%);
- Затрудняюсь ответить: 0 чел. (0%).

3. Насколько эффективно, по Вашему мнению, действующее законодательство (УПК РФ, ФЗ-119) предоставляет инструменты для обеспечения безопасности на стадии следствия?

- В целом достаточно, но есть отдельные пробелы: 10 чел. (38.5%);
- Инструменты есть, но они формальны и сложны в применении: 14 чел.
- Совершенно недостаточно для противодействия организованному преступному воздействию: 2 чел. (7.7%);
- Затрудняюсь ответить: 0 чел. (0%).

4. Какие из предусмотренных законом процессуальных мер безопасности применяются на Вашей практике наиболее часто? (Можно выбрать несколько вариантов)

- Выделение уголовного дела в отдельное производство (ст. 154 УПК РФ): 24 чел. (92.3%);
- Хранение материалов ДСОС в опечатанном конверте (ст. 317.4 УПК РФ): 23 чел. (88.5%);
- Проведение опознания в условиях, исключающих визуальный контакт (ст. 193 УПК РФ): 18 чел. (69.2%);
- Неприведение в протоколе данных о личности (псевдоним) (ст. 166 УПК РФ): 16 чел. (61.5%).

5. Как Вы оцениваете эффективность межведомственного взаимодействия (следствие – подразделение госзащиты МВД – ФСИН) при реализации мер безопасности?

- Взаимодействие отлажено и оперативно: 4 чел. (15.4%);
- Взаимодействие есть, но требует много времени и согласований: 17 чел. 5 чел. (19.2%);
- Взаимодействие формальное, часто возникают проблемы координации: 5 чел. (19.2%);
- Эффективного взаимодействия не налажено: 0 чел. (0%).

. С какими основными практическими проблемами Вы сталкиваетесь при попытке изменить меру пресечения с заключения под стражу на иную в отношении сотрудничающего лица, подвергающегося угрозам?

- Суды неохотно идут на изменение меры, считая первоначальные основания (тяжесть преступления) более значимыми: 20 чел. (76.9%);
- Отсутствие четких критериев в законе, связывающих угрозу и вид меры пресечения: 18 чел. (69.2%);
- Проблем не возникает, если есть обоснованное ходатайство: 1 чел.

. Что, по Вашему мнению, является самым слабым звеном в системе обеспечения безопасности лиц, заключивших ДСОС?

- Сложность и длительность бюрократических процедур запуска мер госзащиты (ФЗ-119): 10 чел. (38.5%);
- Недостаток тактических, методических наработок и алгоритмов для следователей: 9 чел. (34.6%);
- Несовершенство законодательных формулировок («достаточные данные», «реальная угроза»): 5 чел. (19.2%);
- Нехватка ресурсов (технических, кадровых) у подразделений, обеспечивающих безопасность: 2 чел. (7.7%).

. Насколько полезной для Вашей практической работы была бы детальная ведомственная инструкция (методичка) с тактическими алгоритмами и

примерами обеспечения безопасности на всех этапах работы с лицом, заключившим ДСОС?

- Крайне полезна: 18 чел. (69.2%);
- Довольно полезна, как дополнительный справочный материал: 8 чел.
- Мало полезна, все зависит от конкретной ситуации: 0 чел. (0%);
- Не нужна: 0 чел. (0%).

. Как Вы в целом оцениваете эффективность института ДСОС в раскрытии тяжких преступлений в условиях существующей системы обеспечения безопасности «сотрудничающих» лиц?

- Институт эффективен, но его потенциал ограничен из-за рисков для безопасности участников: 16 чел. (61.5%);
- Эффективность средняя, многие отказываются от соглашения из-за страха: 7 чел. (26.9%);
- Институт высокоэффективен, меры безопасности в целом надежны: 2 чел. (7.7%);
- Институт малоэффективен из-за недоверия лиц к возможности их защиты: 1 чел. (3.8%).